

ДИХОТОМИЯ «ЦЕНТР – РЕГИОНЫ» В КОНТЕКСТЕ ПОИСКОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Статья выполнена в рамках проекта «Региональная идентичность как фактор и условие сохранения и поддержания социальной стабильности в сибирском социуме: исторический и современные аспекты».

Показана взаимосвязь отношений регионов и федерального центра и формирования национальной идентичности России на основе привлечения отечественной и зарубежной историографии. Автор приходит к выводу о том, что современные процессы централизации страны затрудняют поиски национальной идеи России и угрожают демократизации страны.

Ключевые слова: национальная идентичность; федеральная власть; регионы.

«Единственным самым значимым вызовом» для современной России ряд специалистов называет проблему формирования национальной идентичности [1. С. 151]. Распад СССР и рождение нового государства – Российской Федерации/России – вновь вывело на повестку дня проблемы самоидентификации страны. Ответ на вопрос, кто мы – «русские», «россияне» и т.д., осложняется рядом факторов, в том числе мультинациональным характером населения страны, региональными диспропорциями и сложным и противоречивым наследием советской эпохи, которая ввела новую категорию идентификации – «советский народ».

В этой связи надо заметить, что формированию национальной идентичности мешают трудности методологического характера и отсутствие адекватной современной реалиям терминологии. В результате понятия «национальность» и «нация» в России не совпадают, скорее, наоборот, в некотором смысле противопоставлены друг другу: «...нацию как согражданство, как единство граждан одной страны независимо от их этнической принадлежности не воспринимает в России практически никто. Это может, в конечном счете, поставить под угрозу институциональную устойчивость и целостность государства» [2. С. 138–139]. Схожая проблема возникает с использованием таких терминов, как «государство» и «отечество», противопоставление которых в современном обществе усиливается [3. С. 6–7]. Российское руководство в попытке преодолеть эти трудности и не допустить дальнейшего раскола общества с 1990-х гг. находится в поиске сплачивающей представителей разных этносов и религий идеи как основы для формирования национальной идентичности. Определение природы взаимоотношений «центр – регионы» в современной России предполагает обращение к историографии вопроса и выяснению принципиальных различий во взглядах отечественных и западных специалистов на значимость противоречий в рамках схемы «центр – периферия» в процессе складывания национальной идентичности.

Отечественные и западные эксперты предлагают разные объяснения неудач российского руководства по формированию национальной идентичности. Российские авторы, ссылаясь на многочисленные исторические примеры и труды отечественных философов, констатируют, что для России характерны «вечный раскол общества» и, соответственно, бесплотные поиски объединяющей идеи [4. С. 167]. Зарубежные эксперты настроены не так пессимистично, но и обнадеживающих прогнозов давать не склонны. Так, профессор русской

истории Европейского исследовательского института при Университете Сэлфорд (Соединенное Королевство) В. Толц вполне справедливо называет основными препятствиями на пути складывания национальной идентичности в России слабость государства, экономическую поляризацию общества, растущую внутреннюю ксенофобию по отношению к выходцам с Северного Кавказа и антиисламистские настроения [5. С. 178]. Названные факторы носят долгосрочный характер. Несмотря на наличие огромной территории, мощных Вооруженных сил и значительного научно-технического потенциала, Россия по-прежнему отстает от ведущих государств по уровню развития социальной инфраструктуры и конкурентоспособной экономики. Эта ситуация ведет к тому, что к названному кругу деструктивных явлений добавляются противоречия между центром и регионами, а значит, к продолжению разделения страны «на составляющие по этническим и территориальным признакам» [6. С. 6–7].

В контексте российских проблем усиления пограничных конфликтов в постсоветское время практический интерес представляет подход зарубежных экспертов к схожим проблемам. По их оценкам, одна из ключевых причин возобновления этнонациональных конфликтов в западноевропейском регионе в 1960-х гг. – это отсутствие адекватной теории идентичности в это время. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют приводимые Э. Эриксоном в ставшей классической работе «Этничность и национализм» цифры: «...в 1991 г. из 37 вооруженных конфликтов, существующих в мире, 35 относились к внутренним этническим спорам» [7. С. 26]. Произошедшее в России в 1990-е гг. расслоение социального самосознания («русские» и «россияне», «новые русские» и т.д.) углубило проблему национального самосознания в контексте таких категорий, как патриотизм, гражданская позиция, уважение к прошлому страны. Чувство стабильности и уверенности в завтрашнем дне было потеряно миллионами человек после распада СССР, и по сей день оно не свойственно большинству населения РФ. Трагедия гоголевского «маленького человека» остро проявляется в нынешней ситуации экономического, а подспудно – нравственно-культурного, социального кризиса [8. С. 3–4]. Не случайно специалисты с тревогой отмечают, что «десятки тысяч индивидов продолжают ощущать ситуацию обрушившегося социального мира, возникновение неких иных граней социальной жизни, которые едва ли еще можно в полной мере осмыслить», и относят эту ситуацию, прежде всего, к жителям регионов [9. С. 216–218].

Действительно, увеличивающийся разрыв в доходах и доступе к ресурсам между центром и остальными территориями приводит к обострению социальной конфликтности в регионах. Эти тенденции, особенно в условиях экономического кризиса, могут быть восприняты внутри страны как возможность для определенных западных сил спекулировать на политической и социально-экономической слабости России. После распада СССР ряд западных и прозападных стран пытались воспользоваться сложившейся геополитической ситуацией в своих интересах, изобретая планы по разделению РФ и сокращению ее территории [10. С. 214]. Евро-американский мир и в сегодняшних условиях пытается эксплуатировать тезис о «раздробленности» российского государства, убеждая, что «маленькие России будут более конкурентоспособны» [11. С. 255–256].

Обострение мировой конкуренции в условиях начавшегося осенью 2008 г. мирового экономического кризиса за получение доступа к энергетическим, сырьевым, инновационным, людским и территориальным ресурсам затронуло в первую очередь менее развитые и отсталые страны. Россия как страна с переходной экономикой и рядом внутренних социально-политических проблем (таких как, например, демографическая), испытывает на себе воздействие этого кризиса и по-прежнему является привлекательным объектом для спекуляций о ее дальнейших возможностях контролировать и развивать всю территорию страны. Очевидно, что игнорирование социальных процессов в регионах будет способствовать росту подобных настроений за рубежом и внутри страны.

Вместе с тем быстромменяющаяся ситуация внутри страны и в мире заставляет думать о том, что академические круги, экспертные сообщества и политики явно не успевают осмысливать происходящие процессы, привносимые невиданной ранее взаимозависимостью государств и регионов. Ошибочное прогнозирование экспертов по части развития регионов очевидно уже сейчас. Так, по подсчетам специалистов, к 2020 г. «Москва утратит роль единого центра» и появится новый, претендующий на роль второй или третьей столицы, центр в Центральной Сибири [10. С. 229]. Авторы прогнозов, вероятно, имели в виду укрепление регионов (хотя бы одного) и возвращение части властных полномочий в ущерб выстроенной «вертикали власти». Очевидно, что в настоящий момент картина совершенно иная, и пока не наблюдается условий, способных обеспечить их осуществление. Исследователи полагают, что для сохранения целостности России наиболее приемлемым стало бы продолжение административной реформы, инициированной еще В. Путиным, развивающее не только «вертикальные», но и «горизонтальные» связи. Последние ослабляли бы односторонний диктат со стороны Москвы и поощряли (в том числе финансово) инициативы на местах [12. С. 222]. Ситуация углубляющегося дисбаланса в развитии как отдельных территорий, так и по схеме «центр – регионы» угрожает динамичному развитию страны в целом и становлению плюралистического гражданского общества. Наоборот, сложившиеся институциональные практики, по мнению исследователя Европейского университета в Санкт-Петербурге И. Шевченко, «де-

лают российское правительство все более схожим с его советским предшественником» [13. С. 185].

Так, американский профессор политических наук Т. Шерлок, задаваясь вопросом, как уменьшить «нормативное и идеологическое расстояние между либеральными западными демократиями и Россией», приводит ряд доводов, которые скорее являются основанием для новых размышлений и поисков, чем способствуют разрешению поставленного вопроса. По мнению американского специалиста, Западу необходимо поддерживать интеграцию России в «ключевые международные институты и мировую экономику», в то же время оказывая давление на российское руководство с тем, чтобы оно продолжало внедрение и укрепление демократических либеральных ценностей [1. С. 184–185].

С тревогой Т. Шерлок констатирует, что если Россия продолжит свой нынешний политический курс, то она все «больше будет страдать от самой себе навязанной амнезии» – идеализации советской (особенно сталинской) эпохи, ставшей с 1990-х гг. своеобразным «реваншем прошлого». Увлеченность этим «возрождением» советской эпохи и ностальгия по сталинской эпохе со всей очевидностью ослабляют «способность общества определить свою политическую идентичность в гражданских и демократических терминах» [1. С. 150–151]. Вслед за И. Шевченко американский исследователь предупреждает, что в случае усиления централизации власти в России и других идущих вразрез с демократическими принципами процессов российское государство все больше и больше «будет напоминать своего советского предшественника, требующего огромных жертв от русского общества» [1. С. 185].

Вряд ли подобные оценки и прогнозы западных специалистов следует воспринимать как крайность или спекуляции в угоду антироссийским силам. Уже упомянутый Т. Шерлок, отмечая угрожающий политическими проблемами рост идеализации советского прошлого, вместе с тем обосновывает закономерность этого феномена. Вполне справедливо он указывает, что позитивное возрождение советской эры способно генерировать гордость и чувство цели для русских, деморализованных политической и экономической нестабильностью в постсоветский период. Справедливости ради надо отметить, что российское руководство пытается «вывести» историю страны за рамки сталинской эпохи. В качестве национальной идеи, способной сформировать российскую идентичность и сплотить нацию, нынешнее руководство страны видит идею «оживления» героических страниц истории, обращение к прошлому, историческим корням страны. Достаточно вспомнить замену наиболее значимых советских праздников на близкие по датам героические события из отечественной истории, например 4 ноября 1612 г. В этой связи российские эксперты фиксируют появление феномена «утраченного прошлого»: рождение новых национальных историй на постсоветском пространстве, которые заявили свои права на часть русской истории... но в конце концов, вызвали обратную реакцию – стремление “защитить” собственную историю от «посягательств» [14. С. 321].

В последние годы сплачивающей национальной идеей становится обращение к событиям Великой Оте-

чественной войны: «...память о войне, причиненных ею безмерных страданиях, огромных жертвах, освободительной миссии советского народа и Великой победе становится мощной объединяющей силой, формирующей российскую национальную идентичность» [15. С. 18]. Дата победы над фашистской Германией и ее союзниками, несомненно, является единственной «сакральной датой», которая сегодня спланирует разные поколения [16. С. 449]. Подготовка к прошедшему празднованию 65-летия Победы подтвердила этот тезис, но в перспективе «временный» характер этой идеи очевиден: новые поколения явно будут нуждаться в других «скрепах» национального самосознания. Следует принимать во внимание и тот факт, что «сверху спущенные» «памятные» даты плохо приживаются, особенно если они не учитывают потребностей и интересов масс большинства населения, а не отдельных его групп. Очевидно также, что решение задачи сплочения населения должно подкрепляться федеральной политикой по налаживанию соответствующей инфраструктуры в регионах: строительством железных и автомобильных дорог, аэропортов международного значения, доступными ценами на жилье, проезд по России и т.д.

Происходящие в стране процессы пока вызывают больше критики, чем понимания у зарубежных историков, и это неслучайно. С укреплением позиций России на международной арене, ростом ее экономики (который затормозил начавшийся в октябре 2008 г. мировой финансовый кризис) движение России по пути установления все большего государственного контроля государства над экономикой и отказ от реального внедрения неоллиберальной экономической стратегии вызывают тревогу у западных специалистов [17. С. 248–257]. Только такой экономический курс, предкает профессор политики из Калифорнийского университета (Беркли, США) М. Стивен, может содействовать демократизации страны, невозможной без развития и автономии негосударственных организаций, плюрализма в партийно-политической системе и пр. [17. С. 265].

Особо отметим, что за прошедшее десятилетие все больше работ посвящено вопросу усиления центральной власти в ущерб регионам [18, 19]. Западные эксперты, оценивая российскую политику 1990-х и начала 2000-х гг. фиксировали только два варианта взаимоотношений «центр – регион». В первом случае, характерном для последнего десятилетия XX в., регионы, воспользовавшись очевидной слабостью центра, «забирали» у него все больше полномочий, что грозило нестабильностью и экономическим коллапсом. Во втором случае (начиная с президентства В. Путина) федеральная власть, вернув себе полномочия, «забрала лишнего» у регионов, в связи с чем произошел и происходит «откат» от демократических преобразований и неравномерное распределение средств между отдельными территориями страны. Во втором случае, как видно, вновь ситуация угрожает обострением социальных противоречий и серьезными экономическими трудностями.

Западные эксперты неслучайно так много (на первый взгляд, даже чрезмерно) внимания уделяют становлению демократической организации общества в России. Российское государство, несмотря на его уча-

стие в таких организациях, как «Большая восьмерка» является страной «переходного типа», для которой выбор модели политического устройства обуславливает возможности демократического развития.

Специалисты указывают, что в контексте отношений «Москва – регионы» проблема формирования национальной идентичности по-прежнему носит характер *политической проблемы* (выделено авт. – Е.Х.), и это свойственно не только России, но и другим государствам переходного типа. «Политический» характер современных диспутов и рефлексий по проблемам «нациестроительства», по удачному выражению В. Соловей [20. С. 98], не в последнюю очередь объясняется трудностями, с которыми столкнулось руководство РФ при создании эффективной «вертикали» власти. Бесспорно, административные реформы ставили целью не столько укрепление единства страны и борьбу с регионализмом, сколько сырьевое подчинение регионов центру. Именно эта «реальная» задача и вызвала обратную реакцию – регионализм стал набирать обороты на рубеже веков. Возрастание роли региональной идентичности в противовес национальной – яркое свидетельство этому процессу. Неслучайно, что такая дисциплина, как «регионоведение» появилась в учебных планах российских вузов относительно недавно. Ее появление связывают с интересом к развитию отдельных регионов и регионального самосознания [21. С. 82]. Схожую ситуацию фиксируют и зарубежные специалисты, отмечая, что в современном мире региональные идентичности сообществ стали более значимы, чем национальное самосознание [7. С. 37].

Ряд специалистов в этой связи отождествляют региональную идентичность с «отгораживанием» или «изоляция» региона от центра [2. С. 148], что, как представляется, в нынешних условиях только поощряется (осознанно или неосознанно) государственной властью, призывающей со страниц печати и экранов телевидения к экономии в непростых финансовых условиях. Регионализм уже становится особенностью мышления, что внушает очевидное беспокойство на фоне поиска объединяющей национальной идеи России. Если в конце 1990-х гг. зарубежные исследователи фиксировали усиление децентрализации управления в РФ как результат развития демократических норм и институтов, то сейчас картина диаметрально противоположная [22. С. 41].

Процесс регионализации, выражающийся в росте сепаратистских настроений и повышении числа межэтнических конфликтов, набирает обороты. Любопытные статистические данные приводит И. Сухов: «Доля респондентов, считающих себя в первую очередь жителями России, редко где превышает 50%. Среди остальных чаще встречаются те, кто идентифицирует себя со своим регионом или даже населенным пунктом» [2. С. 147]. Исследователи предупреждают: успешное строительство новой российской государственности, которая представляет собой очередную попытку системной модернизации, зависит от того, с какой долей приоритетности руководство страны будет решать проблемы этнополитического и цивилизационного характера [23. С. 197].

В связи с этим очевидна другая черта современной общественно-политической жизни России – кратко-

срочная выстроенность отношений центра с регионами, что грозит потерей национального единства. Эта ситуация закономерна, поскольку специфическая изоляция, или «отчужденность», регионов от центра и даже друг от друга диктуется факторами объективного и субъективного порядка. К первым относятся природно-климатические условия России: ее огромные территории, в том числе области с суровым климатом, по-прежнему в массе своей остающиеся слабо связанными транспортными артериями, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке. Среди субъективных факторов исследователи называют региональную политику центра.

В частности, американские авторы Ф. Хилл и К. Гэдди, специализирующиеся на истории Сибири, с пессимизмом отмечают: «Воздействие развития новых технологий остается под вопросом, а Москва – скорее исключение, подтверждающее правило, чем путеводная звезда для развития остальной России. Москва – не пример для подражания, ведь она не способна поделиться своими выгодами с остальной страной. Вместо того чтобы прокладывать путь вперед, ее расцвет обнажает проблемы РФ. Москва имеет все, чего не имеет Россия в целом, включая концентрацию новейших технологий и инфраструктуру. Таким образом, основная проблема – как развить остальную Россию соразмерно Москве» [24. С. 142].

Процессы глобализации тем самым актуализируют задачу национальной «интеграции общества» в РФ, решение которой наталкивается на одно из таких ее проявлений, как жесткая привязка к схеме «демократия – авторитаризм» [25. С. 106]. Централизация власти, начавшаяся при В. Путине, тормозит процесс демократизации и волеизъявления регионов. Поиск адекватной национальной идентичности на фоне экономических трудностей в современной России делает страну крайне уязвимой перед влиянием мировых процессов глобализации, естественным «ответом» на которые со стороны любого государства является «защита» национальных традиций и ценностей от иностранного воздействия. Как представляется, механизм такой «защиты» еще не выработан, и свидетельством этого, по мнению отечественного исследователя И. Сухова, является очевидный поворот страны к авторитарному управлению и отказу от некоторых ценностей гражданского общества (таких как свобода политического выбора при избрании губернаторов и др.) [2. С. 136–158].

Американские специалисты в области экономики и политики России называют форму политического режима, сложившегося к настоящему времени в РФ, специфической и отличной от западных и азиатских форм. По мнению западных историков Д.М. Котца и Ф. Веира, «...политико-экономический режим, возникший в РФ, является чем-то качественно новым, отличным как от демократических капиталистических государств, так и от традиционных диктаторских режимов, с особенностями, объясняемыми только в свете современной социо-экономической трансформации страны» [26. С. 260–268]. Отечественные специалисты оценивают политический режим, складывающийся в России, как закономерное явление в связи с тем, что «пространственная удаленность окраинных территорий от политического центра обусловила традиционную авторитарную форму политического устройства» страны [27.

С. 7]. Сущность и острота современных отношений в рамках «центр – регионы» наиболее рельефно проявляется на примере заявленной еще правительством В. Путина инновационной политики. Вопреки устремлениям Кремля, именно реализация этого приоритетного направления развития страны может обострить отношения между центром и остальными территориями государства.

Регионы при осуществлении замысла создания инновационной экономики теоретически имеют или имели шансы на преодоление сырьевой и финансовой зависимости от центра. Однако, как показывают отдельные примеры, на практике создание **новых** инновационных центров в регионах государству оказывается невыгодным. Так, на проходившем в мае 2010 г. XIII Инновационном форуме в Томске было официально заявлено, что новый крупный исследовательский центр будет создан не где-то в регионе, а под Москвой. Решение администрации Д.А. Медведева о строительстве инновационного центра в Сколково наподобие Кремниевой долины в Сан-Франциско (Калифорния, США) демонстрирует, что государство готово тратить огромные средства на инновации. Но вкладывать их в регионы (в которых этот центр нужно не только построить, но и подкрепить соответствующей инфраструктурой – строительство международных аэропортов, дорог и пр.) пока не считает приемлемым. Так, помощник президента А. Дворкович отметил в ходе майского визита в Томск, что «Сколково станет центром инновационных регионов». В этой обнадеживающей фразе чувствуется явное желание центральной власти «успокоить», а не вкладывать финансы в регионы [28].

Инновационная политика требует времени. Собственно, намеченные президентом В. Путиным в «Стратегии 2020» цели модернизации страны и создания эффективной инновационной экономики (призванные в перспективе «сработать» на укрепление конкурентоспособности России на мировых рынках и усилить ее внешнеполитический имидж) носят долгосрочный характер. Мировой опыт подсказывает, что для достижения этих целей потребуются не годы, а десятилетия. Программа модернизации России немедленных результатов на старой технологической базе и беспрецедентно высоком за всю историю России росте бюрократического аппарата не даст, но сделает реальной опасность «увлечения» погоней за «техническим прогрессом». Уже сейчас возникает естественный *дисбаланс* в финансировании инновационных отраслей экономики в ущерб развитию социальной сферы, образования, здравоохранения, культуры. Возникает вопрос, не противоречит ли подобная политика уже упомянутой «Стратегии 2020», сформулированной президентом В. Путиным на исходе его второго срока весной 2008 г.

В настоящее время, как видно, и отечественные и зарубежные историки больше склонны «фиксировать» происходящие события и процессы, не всегда уделяя достаточное внимание их анализу и осмыслению. Российская Федерация вновь, как и в конце XIX – начале XX в., оказалась в 1990-е гг. в ситуации, когда сразу несколько процессов планетарного масштаба наслаивались на ход ее развития. Напомним, что тогда в России одновременно шли, наслаиваясь друг на друга, процес-

сы первоначального накопления капитала, промышленной революции и индустриализации. Кроме произошедших территориальных изменений следует называть процессы включения («выброса» – экономически, политически, культурно) России во все больше глобализирующийся мир. Российские и западные эксперты отмечают взаимосвязь процессов ослабления демократизации страны и усиления федеральной власти. Скла-

дывающаяся ситуация напрямую угрожает динамичному развитию регионов и сплочению населения в национальном масштабе. Как следствие – углубление диспропорций в развитии отдельных регионов и игнорирование этих процессов со стороны федерального центра угрожают провалом попыток российского руководства найти скрепляющую население идею (или идеи) и сформировать национальную идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sherlock T.* Historical Narratives in the Soviet Union and Post-Soviet Russia. N.Y., 2007.
2. *Сухов И.* «Вертикаль власти» и самосознание нации // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6, № 2.
3. *Нарочницкая Н.А.* За что и с кем мы воевали. М., 2005.
4. *Тренин Д.В.* Интеграция и идентичность России как «новый Запад». М., 2006.
5. *Tolz V.* The Search for a National Identity in the Russia of Yeltsin and Putin // Restructuring Post-Communist Russia / Ed. by Y. Brudny, J. Frankel, S. Hoffman. N.Y., 2004.
6. *Афанасьев В.В.* Россия и Европа: нации в эпоху глобализации: Сб. ст. М., 2009.
7. *Diarmaid Mac G.Ch.* Language, Identity and Conflict. A Comparative Study of Language in Ethnic Conflict in Europe and Eurasia. L.; N.Y., 2003.
8. *Пелипась М.Я.* Скванные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск, 2003.
9. *Кривошеев В.В.* Российская и европейская идентичность в контексте Калининградского региона // Россия и Запад: исторический опыт XIX–XX вв. М., 2008.
10. *Россия в пространстве и времени (история будущего).* М., 2004.
11. *Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека: Сб. материалов второй ежегодной конф. в рамках исследовательского проекта «Локальные истории: научный, художественный и образовательный аспекты» (Норильск, 2–5 ноября 2005 г.).* М., 2006.
12. *Мокрый В.В.* Изменение федеративных отношений и территориальная реформа в РФ: проблемы и подходы // Международная мозаика: Сб. науч. тр. М., 2006. Вып. 1.
13. *Shevchenko I.* The Central Government of Russia From Gorbachev to Putin. Burlington, 2005.
14. *Зубкова Е., Куприянов А.* Возвращение к русской идее // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 2003.
15. *Могильницкий Б.Г.* Социальная ответственность историка как методологическая категория (к постановке вопроса) // Clio Moderna. Альманах зарубежной истории и историографии. Казань, 2009. Вып. 7.
16. *Кортунов С.В.* Национальная идентичность: постижение смысла. М., 2009.
17. *Steven F.M.* Democracy Derailed in Russia. N.Y., 2005.
18. *Kim Y.* The Resource Curse in a Post – Communist Regime. Russia in Comparative Perspective. L., 2003.
19. *Slider D.* Putin's Vertical Challenge: Center-Periphery Relations // Russia's Policy Challenges. Security, Stability, and Development / Ed. by S.K. Wegren. N.; N.Y., 2003.
20. *Соловей В.Д.* Россия на рубеже веков. О государственной стратегии формирования национальной идентичности в России // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 6.
21. *Pursiainon C.* «Regionology» and Russian Foreign Policy. Identifying and theoretical alternatives // Russian Regions and Regionalism. Strength through Weakness / Ed. by G.P. Herd, A. Aldis. L.; N.Y., 2003.
22. *Herd G.P.* Russia's demographic crisis and federal instability // Russian Regions and Regionalism. Strength through weakness / Ed. by G.P. Herd and A. Aldis. L.; N.Y., 2003.
23. *Каспэ С.И.* Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М., 2001.
24. *Хилл Ф., Гэдди К.* Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России: Пер. с англ. М., 2007.
25. *Суханов В.В.* Региональная идентичность в контексте глобализации: теоретический анализ // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 1.
26. *Kotz D.M., Weir F.* Russia's Path from Gorbachev to Putin. The Demise of the Soviet System and the New Russia. L.; N.Y., 2007.
27. *Афанасьев В.В.* Россия и Европа: нации в эпоху глобализации. М., 2009.
28. *Ассоциация инновационных регионов создана во время XIII Инновационного форума.* URL: <http://www.tv2.tomsk.ru/news/assotsiatsiya-innovatsionnykh-regionov-sozdana-vo-vremya-xiii-innovatsionnogo-foruma>

Статья представлена научной редакцией «История» 22 декабря 2010 г.